

Секция «Журналистика»

«Карнавал в одиночку» или особенности образности романтизма Э.Т.А. Гофмана.

Харченко Анна Андреевна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: sukmanchik@mail.ru

М. М. Бахтин, противопоставляя гротескную образность Средневековья и Ренессанса гротескной образности романтизма, очень точно заметил: «В отличие от средневекового и ренессансного гротеска, непосредственно связанного с народной культурой и носившего площадной и всенародный характер, романтический гротеск становится камерным, это как бы *карнавал*, переживаемый в одиночку с острым сознанием этой своей отъединенности. Карнавальное мироощущение как бы переводится на язык субъективно идеалистической философской мысли и перестает быть тем конкретно-переживаемым (можно даже сказать – *телесно* переживаемым) ощущением единства и неисчерпаемости бытия, каким оно было в средневековом и ренессансном гротеске».

В эпоху романтизма карнавальное празднество, характерные для Средневековья и Ренессанса, были заменены официально-государственными праздниками-парадами, полностью уничтожившими карнавальное начало, в течение долгого времени окрашивавшего серую жизнь повседневности в яркие краски веселья. Карнавал был целым миром, в котором действовали свои законы: законы изобилия, телесности, веселой отнесенности и равенства. Карнавал отменял все то неестественное и искусственное, что навязывалось извне, с вершины иерархической лестницы.

Народ совместными усилиями удваивал мир, делая на какой-то промежуток времени повседневный мир, с его социальной иерархией, ложным и недействительным, а мир карнавала – истинным и реальным. Замена карнавала официальным праздником-парадом привела к карнавализации индивидуального сознания.

С точки зрения идей Бахтина, становится понятен герой романтического произведения – он стоит на пересечении двух миров, один из которых доступен всем, – это привычный мир повседневной мещанской жизни. Второй – карнавальное, представляющий антитезу миру первому. Он доступен только одному человеку, другие его не видят. Таков гофмановский Ансельм. Но самими романтиками это двоемирие воспринимается иначе: не через призму карнавала, а через оппозицию «идеальное – реальное». Тот мир, который романтики называли идеальным, по Бахтину имеет карнавальную природу. В нем и пребывает герой.

Ансельм, с точки зрения обычных людей, карикатурен, неуклюж и даже немного не в себе. Он не может ничего сделать сообразно мерке повседневного мира: здороваясь, он поскальзывается и роняет шляпу, устраиваясь на работу, он разносит все в кабинете чиновника, пытаясь угодить ему, приклеивает себе косу, которая в самый неподходящий момент падает, становясь добычей мопса. Ансельм беден, поэтому он лишен пропуска в официальный иерархический мир. Но он все же стремится войти в этот мир, чувствуя свою оторванность от него, которая его очень сильно печалит, хотя в действительности,

Ансельм не соответствует миру, не потому что он плох, нет, скорее, наоборот, мир очень плох, и поэтому он ему не соответствует.

Весьма показательно, что по замыслу Гофмана именно карнавальный мир окончательно выталкивает Ансельма за пределы обывательской среды. Герой оказывается вовлеченным в карнавальное действие. Случается это в тот момент, когда Ансельм надеялся принять участие в общем празднике, как это положено добропорядочному человеку: выпить стакан хорошего пива, посмотреть на то, как одеты девушки, полюбезничать с ними, а потом стать вновь тем, кем он был, – личностью, пребывающей на обочине жизни. Он скопил на этот случай несколько талеров. Но элемент карнавального мира рушит все планы героя: по дороге к кафе он наступает на корзину с яблоками и пирожками, разнося ее вдребезги. Корзина принадлежала старухе. Женщина – ведьма, представительница «сил зла» и элемент карнавального мира, она по законам обыденной реальности лишает Ансельма прописки в ней, взяв с него плату за неуклюжесть – за несоответствие нормам повседневности. Ансельм лишился кошелька, это обстоятельство помешало ему принять участие в празднике. Скандал на рынке привел к тому, что главный герой «Золотого горшка» окончательно выпадает из действительности и оказывается в фантастическом мире карнавала. Данная ситуация воспринимается Ансельмом особо остро – это как бы капля, переполнившая чашу: был шанс почувствовать себя нормальным человеком, но – нет... Во время этих переживаний Ансельму открывается «мир иной» уже в своей позитивной стороне – он слышит пение змеек, которые являются дочерьми повелителя волшебного мира. В высшей мере показательно, что, попадая в карнавальный мир, герой перестает быть чудачком и начинает соответствовать всему, что его окружает, он оказывается в своей стихии, в частности, великолепно выполняет труднейшую каллиграфическую работу.

Бахтин, рассматривая романтическую вариацию карнавальной образности, говорит о том, что присущий этой образности смех в романтической ее вариации очень сильно меняется, лишаясь какого-то дружественно-доброего аспекта, характерного для общения людей на карнавале, становится иронией, сарказмом, злой насмешкой. Это действительно так, но дружеский момент смеха иногда проскакивает и в романтизме. Образец средневекового и ренессансного смеха представлен в сцене, когда Ансельм впервые входит в карнавальный мир – он сразу же весело высмеивается птичками-пересмешниками, за что те порицаются степенным попугаем. Все повествование в «Золотом горшке» в конечном итоге представляет собой метание главного героя Ансельма между двумя мирами: профанным и карнавальным. В рамках карнавального мира существуют силы зла и силы добра. Силы добра хотят задержать Ансельма в своем мире, а силы зла хотят вытолкнуть Ансельма в мир профанного, даже обещают «подогнать» его под этот мир – дать ему чин, красивую жену, а последней – сережки и статус надворной советницы.

Автор выражает глубокое сожаление по поводу того, что волшебный мир – это всего лишь произведение искусства, настроение, переживание, а не объективная реальность, в которую ему, автору, вот-вот предстоит вернуться. Но Ансельму везет больше. Карнавал перестает быть для него его личным переживанием, а становится его жизнью.

Литература

1. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса.

М., Художественная литература, 1990.

2. Гофман Э. Т. А. Повести и рассказы. М., Художественная литература, 1967.

Слова благодарности

Выражаю благодарность моему научному руководителю, Корниловой Елене Николаевне, за внимательное отношение к моей работе и за веселое расположение духа.